

ПЕТРУСЬ БРОВКА

К РОДНЫМ
БЕРЕГАМ

Б 88.

32208

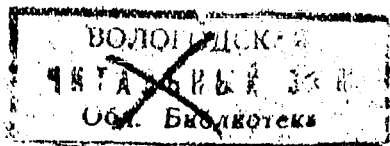
О Г И З
ГОСЛИТИЗДАТ
1 9 4 3

ПЕТРУСЬ БРОВКА

К РОДНЫМ
БЕРЕГАМ

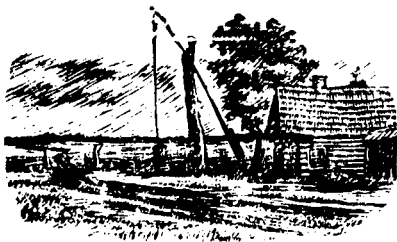
Перевод
с белорусского

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы

Москва 1943

МАТЕРИ

Ты ходишь, мать, дорогами войны,
Из уст летят проклятия и стоны.
Мы с братьями придем, твои сыны,
И выйдут белоруссы из полона!

Твой скарб враги увозят со двора,
Слезами полон взор твой

воспаленный...

Но близится возмездия пора,
И выйдут белоруссы из полона!

Омоем кровью вражьи берега,
Костями катов мы устелим склоны...
Обрушимся лавиной на врага,
И выйдут белоруссы из полона!

Не раз мы вырывались из тенет
И хищников громили разъяренных.
И этот гнет народ с себя стряхнет,
И выйдут белоруссы из полона!

1941

З Е М Л Я К А М

Расскажу вам, друзья, и далеким и
близким,
Про тоску, что гнездо в моем сердце
свила.
Вспоминаются мне перелески под
Минском,
Где калина над юностью нашей цвела.

На привале, досуг коротая недлинный,
Мы услышим в тот час, когда запад
погас,
Как в выси пролетает косяк журавлиный,
Он на родину вести уносит от нас.

Крикнуть хочется вслед: журавли,
расскажите
Вы родной стороне, что придем мы
назад,
Что тропинка нам каждая памятна
в жите,
Каждый холм на погосте, где предки
лежат!..

Есть одна у меня с малолетства
примета:
Дом мой там, где гудит, словно
колокол, бор.
Даже зренья утратив, пройду хоть
полсвета
И найду его, как находил до сих пор.
Быть в разлуке мне долго пришлось
с ним...

Ну что же!

И теперь мне, как прежде, он дорог и
мил.

Слышу — вербы зовут, и призывно,
пригоже
Луг шумит, где я первый прокос
проходил.

Я надежду в душе никогда не утрачу,
Что увижу опять мой родной уголок,
Пруд, в который бросал я венки
наудачу,
Речку, где колыхался мой детский
челнок.

Боевого поста своего не покину
До тех пор, пока враг не уйдет за
предел.
Сын растет у меня, и обязан я сыну
Все сполна передать, чем я прежде
владел:

Небо родины, звезд златотканых узоры,
Беспокойные волны широкой Двины,
И поля, и леса, и луга, и озера,
И криницы, где все наши думы видны.

Материнские песни, с которыми рос я,
Тени ветел, что по ветру падают ниц,
И, как струны, звенящие в поле колосья,
В шуме теплых дождей, в переключке
зарниц.

НАДЯ - НАДЕЙКА

Плачет в лесу сиротливо жалейка:

«Стихла ты,
смокла, Надя-Надейка!»

Кто ж это думал,

как довелось:

очи закрыла хмурая осень,

выцвели косы,

щеки запали,

руки завяли.

«Надя-Надейка, —

плачет жалейка, —

Больше рукам твоим

жита не жать,

жита не жать,

снопов не вязать!»

Пятую ночь на березе у хаты

низко висит она в петле проклятой.

Горюшко-горе сердце сковало:

Что ж ты, березынька, не отстояла?

Желтые листья, горькие слезы

падают, сыплются наземь с березы:

«Добрые люди, меня не вините,

лучше под корень березу спилите».

Буйные ветры, лютые бури,

по лесу ходит парень понурый.

«Хлопче-молодче, смутные очи,

срежь меня, белую, темною ночью,

с горем-бедою стоять мне нет мочи.
Помню я смех ваш,
гули-гулянки,
песни-веснянки,
зори-зорянки.

Темная туча с запада встала,
змеи сползлися, земля застонала,
дымом дохнули — черной я стала.
Скопищем диким,
с воем и криком
красу загубили,
Надейку убили».

Подем потоптанным, темной дубровой
ходит с винтовкою парень суровый:
«Скоро вернуся
вместе с друзьями,
молнией грянем,
ударим громами,
выжжем врагов мы железом каленым,
землю очистим, тучи разгоним.
Надейку прославим,
березу расправим,
травы осыплем чистой слезою,
чистой слезою —
словно росою,
И, окликая:
«Надя-Надейка!» —
песней свободной
зальется жалейка.

В О З В Р А Щ Е Н И Е

На Белоруси, среди лесов,
Среди заснеженных ночей,
Мать ожидает трех сынов,
Героев родины своей.

Ей не уйти от горьких дум, —
Гнетет лесная тишина, —
Чуть снега скрип иль ветра шум —
Старушка снова у окна.

.....

Июнь. Шел первый день войны,
Гудели бомбы над селом.
Прощались с матерью сыны.
Сказали: — Мы еще придем, —
И в бой пошли за мирный край.
Ушел к танкистам старший брат,
А двое младших в темный гай,
Там партизанский ждал отряд.
Несет разор и смерть война,
И братьям выпал тяжкий путь.
Мать ожидает у окна —
Из трех вернется кто-нибудь.
Родная, слышишь ли порой,
Как в тьме ночной грохочет лед?
То старший сын, танкист-герой,
Машину грозную ведет.
Ни заграждения, ни рвы
Его не могут задержать.
Он бил фашистов у Москвы,
Теперь к тебе он рвется, мать!
Или не слышишь, как в снегах

Леса гудят? То в поздний час
О двух героях-сыновьях
Они рождают был-рассказ.
И если бы рассказ попал,
Дошел к тебе на миг один,
Узнала б ты, как смерть принял
За Белорусь твой младший сын.
Как хоронил его отряд,
Бойца родного своего,
Как клялся в мести средний брат
И все товарищи его.
И будет так. Узнает свет,
Как бились мы в родном краю.
И будет враг держать ответ
За сына кровь, за боль твою!
Не плачь же, мать, слезу утри,
Пусть плачут матери врагов.
Победный вижу свет зари
В родных лесах среди снегов.
Прогнав врага с своей земли,
Сойдутся братья у ворот,
В краю, где жили и росли,
Где мать родимая их ждет.

1942

ПОЛЕССКАЯ ДОРОГА

Здесь колен ползут, как змеи,
И чаща древняя густа.
Но этот путь мне всех милее,
Как детства светлая мечта.

И шум берез, сплошной и строгий,
И трав живительный настой,

И эта старая дорога
Над самой Припятью-рекой.

Путей и троп прошел я много,
Но, память о тебе тая,
Опять, полесская дорога,
В родимый край вернулся я.

И в тишине знакомой снова
К земле, как к матери, припав,
Заветных сосен слышу говор
И шорох белорусских трав.

Еще вдали мне светят зори
Иных путей и городов, —
И маленький грузинский Гори,
И славный Киев, и Ростов.

Вершины гор под небом синим,
Где торжествует человек,
Преображенные пустыни
И новые теченья рек.

Садов и трав переселенье,
Чудесный мир моей земли,
Страна, как дивное виденье,
Передо мной встает вдали.

Но в грозный час большой
тревоги,
Когда гремит священный бой,
Я вновь, полесская дорога,
Своими думами с тобой.

Теперь одна у нас забота:
Гудят пронзительно гудки,
Летят на запад самолеты,
На фронт, на фронт идут полки.

Средь затаенного безлюдья,
В лесной чаще и в логах
Гремят тяжелые орудья,
Разя заклятого врага.

И я, призыв страны почуя,
Беру свой ранец на ходу
И молча книжку записную
Между патронами кладу.

Пылает даль пожаром алым,
Не молкнет канонады гром.
Своих товарищей немало
Встречаю нынче я кругом.

Вокруг — знакомые полянки,
Берез привычная семья.
Здесь проходили наши танки,
И в танках — милые друзья.

И я с винтовкою шагаю
Над самой Припятью-рекой,
И вся страна моя родная,
Как богатырь, стремится в бой.

А ночью выхожу из лога
Я, ротой посланный в дозор.
Лежит полесская дорога
Среди задумчивых озер.

С товарищем шагая в ногу
По притаившейся земле,
Тебя, полесская дорога,
Я узнаю и в полумгле.

А днем в лесу, в часы привала,
Под тень берез я ухожу
И, отдыхая, как бывало,
Среди товарищей сижу.

Пылает в небе полдень знойный,
Чуть слышен ветерок в листве,
И мы беседуем спокойно
О Ленинграде, о Москве.

Мы вспоминаем, как сидели
В Тбилиси дальнем на пиру,
Стихи в честь Шота Руставели,
Джамбула тихую домбру.

И в тишине припоминая
Дорогу первую свою,
Я сок березовый собираю
И им товарищей пою.

1941

Т Р И Б Р А Т А

В разлив половодья,
На взгорье, во мраке
Три друга готовы к последней атаке.

Единым стремленьем
Объяты три брата,
У всех и оружие одно — автоматы.

И ночью вссенней
Во мрак молчаливый
Все трое глядят напряженно, пытливо.

Когда покидали
Отчизну с боями,
Багряные листья кружились, как пламя.

Прошли по метелям,
И вот перед ними —
Земля Белоруси с полями родными.

За цепью огня,
Окаймленные бором,
Зовут их знакомые с детства просторы.

Оружье сжимают
Три друга, три брата:
— Пробьемся до дома! Пробьемся до
хаты!

1942

КАК ТОЛЬКО БОЙ ЗАТИХ...

Как только
Бой затих и рассвело,
Боец вошел в безлюдное село.
Над пепелищами
Курился дым и чад,
Стучал костями обгорелый сад,
И трубы черные, обожжены,
Торчали над погостами войны.
Сиротка девочка, упав ничком
На пепел, мать свою звала с отцом.
Боец — бывалый, ко всему привык,

И все ж слеза скатилась на штык.
И на руки сиротку он берет,
Лицо ей вытер и поесть дает...
В боях
Ему лежит на запад путь,
Там дочь его зовет издалека...
Винтовку крепче стиснула рука.

1942

ТАНКИСТЫ

Прорваться в тыл —
Таков приказ.
И вот помчался танк.
Шоссе. Кусты.
С дороги глаз
Не сводит капитан.

Фашистским гадам
В тыл зайти!
Приказ суров и прост.
Лежат деревья
Вдоль пути
Во весь сосновый рост.

Но танк несется
Напролом.
Стволы — за рядом ряд.
Вперед!
Над башенным окном —
Пунцовая заря.

В лучах зари
Сверкает бронь.

И ревом полон мир.
Все жарче
Яростный огонь,
Все строже командир.

Окраина села — и вот
Строчит упорный пулемет.

Там, у опушки,
Притаясь, —
Фашистский батальон.
И рывкнул пушки
Гулкий бас,
Пальба со всех сторон.

От грохота
Затрясся бор,
Идет в атаку танк.
Убитый
Рухнул герр майор,
С ним рядом — лейтенант.

Огонь и смерть.
Свинцовый град.
Фашистский прорван фланг.
Как грозный смерч,
Летит снаряд.
Идет в атаку танк.

Легла фашистская орда,
Зарылась в землю
Навсегда.

Но миномет ударил вдруг,
Как вор, из-за куста.

И замер вмиг
Мотора звук,
Застыла отважный танк.

Спасенья нет.
Пылает танк.
Враги, как псы, кругом.
«Ну, что ж, —
Промолвил капитан, —
Товарищи, умрем!»

Летит огня
Зловещий шквал,
Последний бой жесток.
«Умрем!» —
Водитель отвечал.
«Умрем!» — сказал стрелок.

В тот миг пред ними
Жизнь прошла:
Родимая земля,
Лицо любимой,
Тишь села
И ели у Кремля.

Тогда «Интернационал»
Запели все втроем.
А танк горел,
А танк пылал,
Охваченный огнем.

И далеко
Сквозь гул и рев,
Сквозь ураган. пальбы

Был слышен гимн
Большевиков,
Могучий гимн борьбы.

1941

П Р О В О Д Ы

Рано, рано мать вставала —
В час рассветный, в час росистый.
В путь сыночка провожала:
Едет парень бить фашистов.

Наставляя пред походом,
Отпускала сына с миром,
Угощала чистым медом,
Молоком и свежим сыром.

Словом теплого привета
Перед битвой ободряла.
Тихо с мужнина портрета
Красную звезду снимала.

«Твой отец, — сказала тихо, —
Храбро немцев бил проклятых,
На коне скакал он лихо,
Вышибая супостатов.

Эта звездочка на память
Нам осталась от героя.
Перед грозными боями
Ты возьми ее с собою.

Ясным днем и ночью темной
На груди ее храни ты.

О звезде отцовской помни
И круши врагов-бандитов.

Смело бейся, сын любимый,
Как отец когда-то бился...»
Парень матери родимой
С уваженьем поклонился.

«Эту звездочку с почетом
Принимаю я, родная.
Бить врага из пулемета
Я отчизне общаю,

Чтоб полей советских недруг
Не пятнал фашистской гнусью,
Чтоб хлеба шумели щедро
Над Советской Белорусью;

Чтоб венок пышней и краше
Цвел на солнечных просторах,
Чтобы на дорогах наших
Лег костями кровавый ворог;

Чтоб росла, вздымаясь к тучам,
Наши фабрики, заводы;
Чтоб Москва, маяк могучий,
Озаряла путь народам.

Знай, родная, буду биться
Я за милую краину,
Чтобы Сталин из столицы
Похвалил тебя за сына».

1941

ПАСТУХ

Со всей округой дед Панас
Был издавна знаком.
В колхозе, где стада он пас,
Гордились стариком.

С весны до осени пастух
Среди лесов шагал.
Он знал в округе каждый луг,
Все тропки и лога.

Любил над тихой водой
Сидеть в дыму костра,
На дудочке берестяной
Играть по вечерам.

Но вот проклятый лиходей
Ворвался в отчий дом,
Прорезал ясный летний день
Войны зловещий гром.

Пришел в село фашист-палач,
Пришел кровавый кат.
И первый крик, и первый плач
Раздался между хат.

И запылало все вокруг,
Настал кровавый час.
Тогда своих подпасков двух
К себе позвал Панас.

«Народ добро доверил нам,
А лютый враг жесток.
Гоните стадо по троцам
Подальше, на восток».

И хлопцы увели коров
Подальше на восток,
А дед Панас среди лесов
Остался одинок.

И сосны жалобу его
Слышали там не рав:
«Ох, до чего, ох, до чего
Ты дожил, дед Панас!»

И, полон лютою тоской,
У дымного костра
На дудочке берестяной
Частенько дед играл.

Но вот и с ним стряслась беда,
И не ушел старик.
Отряд фашистов по следам
В лесу его настиг.

«Коровы где? — вскричал солдат.
Куда их спрятал, дед?»
Старик в ответ промолвил: «Кат!
Коров простыл и след».

Солдаты били старика,
Сбивали деда с ног,
Таскали по лесу, пока
Он замертво не лег.

Когда ж очнулся дед Панас,
Разбитый, чуть живой, —
С ним рядом дудочка одна
Лежала под травой.

Дрожащей взяла ее рукой
И, с губ стирая кровь,
В лесную чащу, в мрак ночной
Призыв свой бросил вновь.

«Не будешь ты, страна моя,
Под вражьем сапогом.
Сюда, отважная семья!
Спасай родимый дом.

Сюда, сыны! Вас ждут дуга,
Леса, поля кругом.
Мы будем всюду бить врага,
Покуда не добьем».

С тех пор живет в округе сказ:
Днем, ночью, сквозь туман
Лесами бродит дед Панас,
Отважный партизан.

1941

Н Е У Л О В И М Ы Е

Оккупантам окаянным
Никогда их не поймать!
Слава храбрым партизанам!
Налетят они опять!
Ищут палачи-эсэсы
В темных чащах, у трясин,
Чтоб попался им среди леса
Партизан котя б один.
«Уничтожим их, раскроем!» —
Хвастают на целый свет,

А карателям покою
Все ни днем, ни ночью нет.
Только немцы грабить станут,
Жрать засядут, скажут: «Гут!»¹ —
Выстрелы внезапно грянут, —
Партизаны тут как тут.
Не успеют офицеры
Выскочить, нажать курки, —
От голов их и тарелок
Остаются черепки.
Свору приведет другую,
Похваляясь, новый кат:
«Нет, поверить не могу я,
Что неуловим отряд».
Обещает сотни марок,
С своего плеча мундир...
...Усмехается недаром
Партизанский командир:
И зимою, и весною
Знай врага крушит.
Немцам никакой ценою
Не купить людской души.
Пусть же злятся, проклинают.
Даром скручена петля.
Партизанам помогает
Их родимая земля.

Темный бор, шумя в тревоге,
Их не выдаст палачам, —
Лишь сынам пути-дороги
Он укажет по ночам.

1942

---

¹ Г у т — хорошо (немцы.).

ПАРТИЗАН БУМАЖКОВ

Свой отряд среди лесов
Вел товарищ Бумажков.
Гнев народа—грозный шквал—
Партизанить их послал.

Край родимый, отчий кров
Защищают от врагов
Сто четыре храбреца.
Каждый верен до конца,

Бумажковцам не страшна
Партизанская война.
Командир их впереди,
Гнев пылает в их груди.

Вот вдали и гром и гуд:
Вражьи танки там идут.
Взяв дорогу на прицел,
Вдоль кустов отряд засел.

Ближе, ближе гул и рев.
Вот и свора лютых псов.
Из-за темного куста
Головной выходит танк.

Обойдя своих бойцов,
Тихо молвил Бумажков:
«Бейте гада прямо в лоб!
Загоняйте гада в гроб!»

И от залпа дрогнул плях.
Получил гостинцы враг.

«Ты за хлебом прешь, наглед?
Получай и жри сви.ец!»

«Наш забрать ты хочешь сад?
Так отведай вкус гранат!» —
«Крови жаждешь, волчий сын?
На бутылку, пей бензин!»

Партизаны — напролом.
Били пулей и штыком.
И меж соснами в пыли
Двадцать танков полегли.

Враг нам смерть и гибель нес,
Но погиб, проклятый пес.
И опять среди лесов
Водит хлопцев Бумажков.

1941

ПО ДОРОГЕ МИНСК—МОСКВА

Он вышел, а пуща шумит,
От дум невеселых старик
Не может уснуть, хоть и поздно,
Хоть полночь уже на дворе,
А сон не хмелит головы.
И небо морозное звездно,
Стрелой протянулась дорога
От Минска до самой Москвы.

Напомнили снова ему
Безмолвные снежные дали,
Как раньше по этим лесам,
Вреваясь в росистый туман,

Машины неслись чередой,
И песни над бором взлетали
И глухнули в хвое густой
На вереске душном полян.

Все смолкло, теперь не слышать
Ни песен, ни игр среди бора.
И сосны как будто к земле
Пригнулись от чёрных невзгод.
Лишь с лаем собачьим порой
Промчится фашистская свора.
Да танки чужие пройдут,
Ощерясь броней на восход.

Они выжигают дотла
Деревни, колхозные села,
И с ними пришли пановать
Насилье, разбой и расстрел.
Не мирится с этим никак
Лесник престарелый Микола.
Довольно молчать и терпеть,
Довольно он мук претерпел.

Недаром точил он пилу,
И зубья проверил он строго, —
Пускай же взрывается месть,
Что тайно томила и жгла.
Со стоном качнулась сосна,
Замяв поперек вею дорогу.
Со скрежетом дуб вековой
Срезает под корень пила...

...А там из родимой Москвы,
Набравши гостимцев немало,

Подарков для алчных гостей,
В стремительный грозный полет
Поднялся, вылетел самолет,
И вниз на поля и леса
Пилот смотрит зорко и ждет.

Он прямо на запад летит
Над лентой серебряно-белой;
Знакомые с детства места
Он видит опять наяву.
Сквозь молодость, сердце его
Та лента стрелой пролетела...
Он вырос на этой дороге,
Идущей от Минска в Москву.

Вот здесь над его колыбелью
Шумели смолистые сосны,
И песнею звонкой ручьи
Будили его поутру;
Здесь хата родная в лесу
И детства счастливые весны;
С любимую девушкой здесь
Бродил он, гуляя в бору.

Он смело машину вел вдаль,
Он с нею, как с другом, сроднился,
И вдруг он бабушку узнал,
Где мальчиком жил он с отцом...
...Светаэт. Вот смокла пила,
И виэг ее угомонился.
Старик приготовил завал
И вытер лицо рукавом.

Прислушался, слышит лесник,
Что где-то за соснами близко

Лихая невзгода идет
С далекой чужой стороны.
Чащобную тишь разбудив
Пронзительным скрежетом, визгом,
Немецкие танки ползут
С кровавою жаждой войны.

Запрягнулся старый в кустах,
Следит за их ходом ползучим,
Вот врезался первый и смолк...
Другой, а за ним броневики...
Вдруг взрыв прокатился по чащам,
Как молния ночью по тучам,
И с грохотом, с громом стальным
Смешались стоны и крики.

Дивится и смотрит лесник:
Откуда ж явилась подмога?
И видит: кружит самолет,
И небо как будто светлей.
И видит: на крыльях звезда.
Проплыл самолет над дорогой
И вдаль полетел на восток,
Скрываясь за хвоей ветвей.

И вслед ему смотрит лесник,
Слезу рукавом вытирая,
И машет рукою туда,
Где неба кончается край:
Ты, сын мой, любимый сынок!
Иль друг его, или товарищ,
Опять поскорее сюда
Проведать меня прилетай!

М О Г И Л А

В сраженьи под Минском погибли
они.

Салют над могилой затих,
И сосны,
Над нею верхушки склонив,
Беседуют с ветром о них.

И ветер, густую листву шевеля,
Разносит сказанья о том,
Как их приютила родная земля,
Как ночь их накрыла плащом.

Недавно шагали они среди нас.
Был сумрачен чащи провал.
И месяц,
Как сабля кривая,
В тот час
Туманную мглу рассекал.

Во мраке нависшем терялись луга.
Клубилась зловещая мгла.
Приказ был получен:
«Отбросить врага!»
И рота в атаку пошла.

На приступ!
Всего только несколько слов

Вели нас в атаку, вперед.
Мой лучший товарищ,
Наводчик Петров,
Спокойно навел пулемет.

Кто знает,
О чем он подумал тогда.
О милой подружке своей?
О речке, где тихая блещет вода?
О шири колхозных полей?

Снаряды гудели
В ночной темноте —
Губительный огненный шквал.
Мы двигались с боем.
На сотой версте
Был первый желанный привал.

Подъехала кухня.
При свете костров
Поели мы сытно тогда.
Мой лучший товарищ,
Наводчик Петров,
Пошел за водой, как всегда.

Он воду принес
И промолвил: «Друзья,
Какая вокруг красота!
Цветет изобильем отчизна моя,
Как эта водица, чиста.

На край наш чудесный
Лесов и озер
Фашистский позарился зверь.
За этот прекрасный, обильный
простор
Готов умереть я теперь».

Он выпил,
Ни капли воды не пролив,
Врагу погрозил кулаком.
А ночью, в бою,
Средь задумчивых нив,
Убитый упал он ничком.

И с ним полегли
Боевые друзья,
Отважные дети страны.
Но помнит о них
Боевая семья
На грозных дорогах войны.

В сраженьи под Минском
Погибли они.
Салют над могилой затих,
И сосны,
Над нею верхушки склонив,
Беседуют с ветром о них.

1941

БАЛЛАДА О КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Пусть знают все в краю родном
О славе казака,
О знамени боевом
Гвардейского полка.

Когда под знаменем чело
Склонял казацкий строй,
Казалось, полымя пыло
Над каждой головой.

Оно будило в сердце месть,
Водило в бой не раз, —
На знамени — присяга, честь
И родины наказ.

За древко правою рукой
Держал его казак,
Как сердце матери родной,
Берег среди атак.

Со знаменем, рубя клинком,
Прошел в сраженьях он
Леса под Оршей над Днепром
И свой родимый Дон.

На знамени пылала кровь,
Сверкали росы слез.
Разбив врага, гвардеец вновь
На запад знамя нес.

«Не сдам его! Клянусь я в том
Огням родных равнин».
И знает отчий тихий дом,
Что клятве верен сын.

Рассказ поныне не умолк
Про славный тот поход,
Как в дальний тыл однажды полк
Свершал ночной налет.

Звенел от кованых копыт
Степной морозный шлах,

И вражьи трупы, как снопы,
Чернели на снегах.

Багряный шелк в огнях пылал,
Маячил впереди, —
Там знаменосец пробивал
Победные пути.

Но знаменосца одного
Заметили вдали,
И волчьей стаей на него
Эсесовцы пошли.

«Сдавайся нам! Славайся, рус!» —
Они подняли гам.
Но он сказал себе:
«Умру,
А знамени не сдам!»

Обнявши знамя, он с плеча
Рубил по головам.
И конь копытами стучал
По сбитым черепам.

Клинком неистово разя,
Скакал он через ночь.
Он видел — верные друзья
Спешат ему помочь.

Он рвался к ним.
Удар.
И вдруг
В глазах сгустился мрак,

Но знамени из крепких рук
Не выпустил казак.

И клич гвардейский прозвучал
Через миг на месте том,
И павший враг оцепенел
На ветре ледяном.

Друзья увидели — герой
Со знаменем замолк,
Лежит он утренней зарей,
Обняв багряный шелк.

Но знамя в их сердцах жило
И, поднятое ввысь,
Оно за смерть на месть звало...
Гвардейцы в бой неслись.

1943

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА

Стояли мы в заслоне. Третьи сутки
С врагами бились, отдыха не зная.
Под утро бой затих. И в промежутке
Подъехала к нам почта полевая.

Мы были все обрадованы очень.
Ведь каждый может, отдохнув от боя,
С любимыми, с далеким домом отчим
Поговорить сегодня всей душою.

И сразу стало шумно на привале,
И все вокруг заговорили сразу.

Бойцу-саперу весточку прислали
Жена и сын — мальчишка синеглазый.

Артиллеристу пишет мать: «Я рада
И так горда, сыночек ненаглядный.
Ты заслужил высокую награду
За то, что бил фашистов беспощадно».

Сидят бойцы среди кустов и кочек.
В глазах у всех — ликующее пламя.
Посылку открывает пулеметчик
Перед своими добрыми друзьями.

Вот банку с медом вынул он, серьезный,
И поднял вверх — и сразу издалика
Пахнуло детством, пасекой колхозной,
Цветущей нивой — вольной и широкой.

Прочел записку. Почерк незнакомый.
Но в ней привет волнующий и жаркий:
«Товарищи бойцы, привет вам шлем мы.
Идем на фронт. Девчата-санитарки».

И стали мы единым тесным кругом,
И все домой свое послали слово:
«Клянемся, сестры, верные подруги,
Что будем мы фашистов бить сурово.

Нас не пугает рев и гром орудий.
Для родины не пожалеем жизни.
Клянемся, мать, что собственной грудью
Мы защитим любимую отчизну».

И только отзвучало наше слово,
Как рев орудий вновь раздался в чаще.
Вперед, друзья! Мы в бой уходим снова.
Прощай же, почта, приезжай почаще!

1941

ПАМЯТКА

Ладанкам не верил никогда я.
Все ж,
на смертный снаряжаясь бой,
За гумном, где зрела рожь густая,
Горсточку земли я взял с собой.

Может статься: на степном привале
Свой раскрою талисман тайком
И припомню
в отдаленной дали
Хатку, двор, колодец с журавлем.

Может, в мыслях, по лесу конуя,
На заре весенней, за кустом,
Встречу ту, которую люблю я,
Хоть она
не ведает о том.

И, заветный миг подкарауля,
Отыщу запряганный в кусту
Цветик скромный,
подаженный пулей,
И с любовью в косы ей вылету.

Останки врагов, их оружия обломки
Хранят потаенные недра ущелий, —
Испытаны в битвах Сасунца¹ потомки,
Сыны Низами и сыны Руставели!²

Они, как на праздник, в пылание боя
Идут, под напевы чонгури и саза,
Вовек не поникнет Эльбрус головою,
Не станут рабами народы Кавказа.

Несметно число их, — полков не
сочтете —
И тверд, и уверен их шаг миллионный,
За вышки Баку, за цветение Поты,
За лозы Сухуми, за воды Риона!

Стервятники рвались к дороге орлиной
(Оглохли высоты от гула и рева),
Но с восем шакальим упали в теснины,
Спаленные полымем гнева людского.

Возмездье встает из долин Алагеза,
И кличут горнисты от стен Чиатури,
Не ведает промаха пуля черкеса,
Клинок не тупится в руке у хевсура!

Пусть враг подбирался к родному
порогу,
Но он не уселся за стол, торжествуя, —

¹ Давид Сасунский—герой армянского эпоса.

² Н и з а м и—известный азербайджанский поэт XII века; Р у с т а в е л и—известный грузинский поэт XII века, автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Вина не пригубил из турьего рога,
Он встретил презренье и месть огневую!

Когда же затихнет гроза боевая
И вновь синевой расверкаются дали,
Мы все, что за родину жизнь отдавая,
Великую дружбу народов скрепляли, —

Мы вспомним, доверху наполнив бокалы
Кипучей и пенистой влагою винной,
Холмы Сталинграда, кавказские скалы,
Леса Белоруси, поля Украины, —

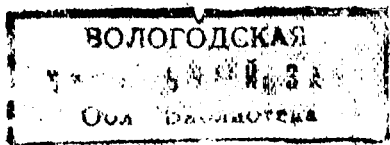
Дороги походов, где в пламени, в дыме
Вели нас к победе лучистые зори.
И тост наш заздравный высоко подыдем
За домик в лазурном и солнечном Гори!

1942

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Матери. Перевел <i>О. Колычев</i>	3
Землякам. Перевел <i>Н. Рыловков</i>	4
Надя-Надейна. Перевел <i>Д. Осин</i>	7
Возвращение. Перевел <i>М. Голодный</i>	9
Полесская дорога. Перевел <i>С. Левман</i>	10
Три брата. Перевел <i>М. Зенкевич</i>	13
Как только бой ватих... Перевел <i>М. Зенкевич</i> ...	14
Ташкысты. Перевел <i>С. Левман</i>	15
Проводы. Перевел <i>С. Левман</i>	18
Пастух. Перевел <i>С. Левман</i>	20
Неудовимы. Перевел <i>М. Зенкевич</i>	22
Партизан Бумажков. Перевел <i>С. Левман</i>	24
По дороге Минск—Москва. Перевел <i>М. Зенкевич</i>	25
Могла. Перевел <i>С. Левман</i>	29
Валлада о красном аманси. Перевел <i>М. Зенкевич</i>	31
Полевая почта. Перевел <i>С. Левман</i>	34
Памятка. Перевел <i>С. Левман</i>	36
Кавказ. Перевел <i>Д. Бродский</i>	37

Редактор *А. Деев*

Подписано к печ. 11/VIII — 43 г. A2623

$\frac{3}{8}$ п. л., 1,5 уч. авт. л. тар. 10 000 Зак. 1033

Цена 1 руб.

6-я типография ОГИЗ'а Москва, 1-й Самотечный 17.

1 руб.

П. 53 г.

